

НАИМА КОСТЕР

Что мое, что твое

NAIMA COSTER

What's Mine and Yours

НАИМА КОСТЕР

Что мое, что твое

роман

Перевод с английского
Марии Сарабяновой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К72

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Костер, Наима.

К72 Что мое, что твое : роман / НАИМА КОСТЕР; пер. с англ. М. САРАБЬЯ-НОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-17-146101-0

В этом романе рассказывается о жизни двух семей из Северной Каролины на протяжении более двадцати лет. Одна из героинь — мать-одиночка, другая растит троих дочерей и вынуждена ради их благополучия уйти от ненадежного, но любимого мужа к надежному, но нелюбимому. Детей мы видим сначала маленькими, потом — школьниками, которые на себе испытывают трудности, подстерегающие цветных детей в старшей школе, где основная масса учащихся — белые. Но и став взрослыми, они продолжают разбираться с травмами, полученными в детстве.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-146101-0

- © Naima Coster, 2021
- © М. Сарабьянова, перевод на русский язык, 2022
- © Sylvie Rosokoff, фотография автора на обложке
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022
- © ООО “Издательство АСТ”, 2022
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

1.	ОКТАБРЬ 1992 ГОДА	9
2.	НОЯБРЬ 1996 ГОДА	30
3.	СЕНТЯБРЬ 2018 ГОДА	46
4.	НОЯБРЬ 1992 ГОДА	66
5.	ИЮЛЬ 1998 ГОДА	90
6.	АВГУСТ 2002 ГОДА	127
7.	СЕНТЯБРЬ 2018 ГОДА	152
8.	СЕНТЯБРЬ 2018 ГОДА	169
9.	СЕНТЯБРЬ 2018 ГОДА	188
10.	СЕНТЯБРЬ 2002 ГОДА	208
11.	ОКТАБРЬ 2018 ГОДА	235
12.	ОКТАБРЬ 2002 ГОДА	258

13. ОКТЯБРЬ 2018 ГОДА	286
14. НОЯБРЬ 2002 ГОДА	305
15. АПРЕЛЬ 2019 ГОДА	329
16. ДЕКАБРЬ 2002 ГОДА	351
17. ФЕВРАЛЬ 2020 ГОДА	364

Посвящается Дж. и Э.

ОКТЯБРЬ 1992 ГОДА

*В центре города, в Пидмонте,
Северная Каролина*

Когда Рэй остановился за пекарней, было темно. Так рано утром не спали только птицы, щебетавшие в деревьях, под глубоким безоблачным синим небом. Его сынок, Джи, спал на заднем сиденье, такой опрятный, по-школьному нарядный. Его дыхание затуманивало стекло. Рэй тихонько взял его на руки, держа ключи от кафе свободной рукой. Обошел здание, подошел к главному входу. Мальчик уже успел обшлюнявить воротничок его выглаженной рубашки, красно-розовой в клетку.

— Мой талисман, — прошептал Рэй, открывая решетку и крепко прижимая мальчика к себе.

“Суперфайн” стояла на углу Бирд-стрит, примерно в миле к северу от центральной площади. Над входом висела неоновая вывеска, на окнах — ящики с желтыми хризантемами. Раньше в этой части города только заправлялись — на выезде из города или когда проезжали мимо. На том конце квартала была автомастерская и заправка, где принимали только личные. Но в целом весь район состоял из пустырей и поля, где летом тренировались команды младшей лиги. Территории заброшенных фабрик, заваленные

старыми крышками, зарастали полевыми цветами. Но в прошлом году в одном из старых зданий открывалась пивоварня. Там проводили экскурсии и подавали пиво в крошечных стаканчиках. Рядом открывалось окошко, где несколько часов в обеденный перерыв можно было купить ребрышки гриль и хот-доги. И конечно же “Суперфайн”, открытая от рассвета до заката. По утрам, на завтрак, у них продавались булочки и кофе. В обед — сэндвичи и свежий хлеб. К вечеру они добавляли печенья, лимонные пирожные, шоколадный торт. Посетители заходили по дороге на работу в центр или останавливались протрезветь после тура по пивоварне. В “Суперфайн” было дешевле, чем в кофейне в центре города, да и нигде поблизости нельзя было достать свежий сэндвич с ветчиной, булочки с абрикосовым джемом и кофе, который на вкус не напоминал бы смесь кипятка с варом.

Идея открыть кафе принадлежала Рэю, но спонсировала ее Линетт из денег, доставшихся ей по страховке после смерти мужа. Они познакомились в “Старбаксе” в часе езды отсюда, где она работала менеджером, а он — баристой. Тогда у него было сразу три работы, но теперь “Суперфайн” стала его миром.

Рэй усадил мальчика на широкий подоконник. Забежал за кассу, достал из холодильника бутылку холодного кофе, нацедил унцию-другую в стакан молока, помешал пальцем и отнес Джи. Мальчик раскинулся на подушках у окна, одну руку закинул за голову, а другую положил на грудь ладонью вниз, как будто защищался от чего-то и укрывал во сне сердце.

— Доброе утро, дружище, — прошептал Рэй. — Выпей, — сказал он, поднеся стакан ко рту мальчика.

Джи предстоял такой долгий день, немножко кофеина ему не помешает.

— Папа, зачем ты меня сюда привел?

— Потому что сегодня важный день. Я думал, ты мне поможешь.

Джи просиял и слегка расправил плечи.

— А в школу я все равно пойду?

— Мы ходим в школу каждый день, — сказал Рэй. — Я тебя отведу, когда будет пора. А пока пошли, найдем тебе фартук.

Фартук пришлось сложить вдвое, чтобы он подошел Джи, который даже для шести лет был маловат. Взглянув в зеркало, Джи засмеялся. У него не хватало одного переднего зуба — молочного, от которого откололся такой большой кусок, что теперь его надо было вырывать, — но он все равно был очень хорошенький: смуглая кожа, каштановые волосы, не по росту крупные ладони и ступни. Ямка на подбородке, ямочки на щеках, влажный блеск в глазах от улыбки. Голос у него больше походил на хриплый шепот — Рэй шутил, что это от болтливости. Джи был правдолюб: он всегда говорил, что видел, а видел он все. Рэй боялся, что однажды мальчик увидит какую-нибудь такую правду, о которой лучше помалкивать.

Они закатали рукава и помыли руки в раковине. Потом Рэй посадил Джи на табурет в кухне и попросил его включить радио. Рэй принялся скручивать круассаны и закидывать их в расстоечный шкаф. Потом налепил из теста аккуратных кругляшков для утренних булочек и посыпал их сахаром. Все свои действия он объяснял и иногда спрашивал Джи, сколько на его вкус надо мазать масла на печенье, нравится ли ему, как раскаталось тесто в машинке. Сегодня он

больше ничего не мог доверить Джи. В этот день для них всех — для пекарни, для Линетт, но главное, для него, Джи и Джейд — может измениться все. Если после статьи дела пойдут лучше, как они надеялись, у Рэя был целый список задумок: он купит Джейд кольцо с рубином и попросит ее руки; купит Джи комод для его вещей; свозит их в какое-нибудь путешествие, например, в Вашингтон или во Флориду. А там будет снимать Джи на фоне мемориала Линкольна, Джейд — на фоне цветущих вишен, всех вместе — на фоне замка в Волшебном королевстве Диснея; они попросят кого-нибудь их сфотографировать, а Джи наденут эти дурацкие уши.

Но сперва дело за журналистом и его статьей о Бирд-стрит, о ее возрождении. *Мы должны стать звездами программы*, говорила Линетт, и Рэй знал, что она права. Он готовил сегодня особое блюдо: дьявольски шоколадные пончики. Все выходные дорабатывал рецепт с Джи. Пончики Рэй особенно любил, потому что по большому счету в них нет необходимости. С кофе иначе, на кофе можно подсесть так, что без него не жить. А вот пончики — мягкие, в корице и сахарной пудре, глазированные, политые карамелью, с сочной фруктовой начинкой в серединке — существуют просто так. В них и заключалась его тайная сила, его собственный вклад в “Суперфайн”.

Линетт приехала в семь утра, как раз перед открытием. Джи пересчитывал мелочь в кассе, Рэй выписывал мелом на доске сегодняшнее меню. Он назвал свои пончики “Дьявольски шоколадные пончики Джи”. Мальчик был в восторге.

Линетт вошла с огромным букетом гардений в воощенной бумаге. Вид у нее был боевой. Рэй иногда шутил, что он успеет состариться, прежде чем она уйдет на пенсию и оставит пекарню ему. Она выпивала чашек шесть кофе в день и никогда не сидела на месте. Седая, каждый день с новой палитрой цветов на лице, она вся состояла из мышц и жира. С ее приходом появился запах духов и масла для волос. Из сумки у нее торчал секатор.

— У тебя усталый вид, Рэймонд. Ты что, забыл, что нас будут снимать? Я рассчитывала, что твоя мордашка привлечет покупателей.

Линетт засмеялась собственной шутке. Навстречу ей подбежал Джи. Он замер прямо перед ней, как будто ждал ее реакции — возьмет она его на руки или обнимет. С ним такое бывало: он как будто не решился — как будто не ожидал получить, чего хотел. Рэй расстраивался, когда замечал это в сыне.

— Ну же, обними мисс Линетт, — сказал он. — Поздоровайся.

Он отсыпал кофейных зерен в кофемолку и включил машину.

— А что мой Джи тут делает?

— Папе нужна моя помощь. — Джи гордо указал на доску с пончиком в его честь.

— Дьявольски шоколадные? Ты мой сладкий. Значит, и пончик будет такой же сладкий? — Линетт, смеясь, отправила мальчика мыть руки. Когда он убежал, она повернулась к Рэю.

— Нельзя было сегодня обойтись без него?

— Он мне не мешал, честное слово.

Линетт покачала головой и стала расставлять гардении по вазочкам, которые достала из сумки.

— А что, мальчику сегодня не надо в школу?

— Я отведу его, меня всего пять минут не будет.

— Я думала, это должна делать его мать.

— Он и мой сын тоже.

— А в чем тогда обязанности его мамы? Или она умыла руки, когда родила его и вручила тебе?

Рэй не стал спорить. Он не хотел в это утро ссориться из-за Джейд.

— Знаешь, поэтому я так и не стала заводить детей, — сказала Линетт. — Не хотела заботиться ни о ком, кроме себя. Я этого сполна хлебнула в молодости. Моя мать...

— Родила пятерых, которых воспитывала ты. Я знаю.

Линетт любила рассказывать эту историю, как будто все самое важное в ее жизни решилось, когда она была девочкой, в те дни, когда она пропускала школу, чтобы позаботиться о братьях и сестрах, сводить их к врачу.

— Ты никогда не думал, что ты столько для этих двоих делаешь, хотя мог бы потратить это время на себя? Мог бы пойти учиться, получить диплом.

— Зачем мне диплом? Ты же оставишь мне “Супер-файн”? Или ты передумала, Линетт?

Линетт, протиравшая столы в передней комнате, помрачнела.

— Нельзя так рассчитывать на других, Рэй. Даже на меня. Когда-нибудь я умру. Как и все.

— Тогда погоди умирать, пока не пришел репортер.

Линетт улыбнулась и махнула на Рэя тряпкой. Он, довольный собой, чмокнул ее в щеку и стал накрывать стол на троих.

Они сидели у окна, пили свежий кофе и поглощали печенья. В пекарне пахло дьявольским кремом: густой шоколад, сахар и дрожжи. В половину восьмого пришли обе официантки, Мишель и Микаэла. Они посюсюкали с Джи, надели сетки на волосы и стали

воевать за право ставить музыку. Линетт положила войне конец, поймав станцию с госпелами, хотя она и не ходила в церковь. Скорее она хотела призвать благословение на всех них и на кафе. Все подпевали под нос, а Джи сидел на окне, совсем потерянный, когда Рэй ушел на кухню. С ним мальчик был одним ребенком — веселым, спокойным, а без него — другим.

В кафе было полно народу, когда Джейд ворвалась в “Суперфайн” в солнечных очках и с уже растрепавшейся косой набок. Она так и не передела серые леггинсы и майку “Бэд брэйнз”, в которой спала, только накинула рыжий плащ. Джи вскочил ее поцеловать, и Джейд подалась к нему, а потом отстранилась и спросила, где Рэй.

— Зачем ты его забрал? — кинулась она на Рэя, когда тот вышел из кухни. Она говорила высоким резким голосом, и посетители стали оборачиваться. — Я сама могу позаботиться о своем сыне.

Рэй взял ее под руку и вывел на улицу.

— Ты как?

— Голова болит, — сказала Джейд, надавив пальцами на виски.

Она не сказала, где была вчера вечером, но Рэй догадывался. На шоссе стоял ресторан, куда они любили ходить с подружками с курса. Там подавали “Джек Дэниэлз” со льдом и колой.

— Я поставила будильник. Я бы его отвела. А тут просыпаюсь, и никого нет.

— Я не хотел, чтобы он опять пропускал школу.

— Я бы его отвела, — повторила она.

Джейд подняла очки, и он увидел вчерашнюю подводу, размазавшуюся по ее тяжелым векам. Она была